

Марина Родионова

Нетаянный
дневник

Марина Родионова
Нетаянный дневник

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Родионова М. С.

Нетаянный дневник / М. С. Родионова — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Дневник "женщины в беде". За этой универсальной, на все времена формулой, по скромному мнению автора, стоят несколько непобедимых слов: "Здравствуйте, я женщина в беде, но я справляюсь". Содержит нецензурную брань.

© Родионова М. С., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

До речи	6
Часть первая	7
Сын	7
Дочь	9
Палата номер шесть	10
Четыре соглашения	12
Бабуркинские девочки	13
Врачи и Мышка-Терминатор	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

*Марина, до! До – детства, до – судьбы,
до – ре, до – речи, до – всего, что после...
Белла Ахмадулина, «Уроки музыки»*

До речи

Человеческая жизнь заполнена заурядными моментами, пролетающими мимо сознания, как мошкара, – мы их не замечаем, пока не кусаются. Миги исчезают, как дым, вышедший из печной трубы, как лед, обреченный растечься лужицей на детской ладошке. Но бывают впечатления, которые не тают, а остаются с тобой навсегда, живут в памяти годами, прежде чем переродиться в нечто большее, чем мимолетный взгляд, упавший на необычную крылатую тварь.

Когда я однажды озадачилась, как бы назвала книжку, задумай я оформить свои буйные мысли-скакуны во что-то вроде «Записей и выписок» Михаила Гаспарова (представляете себе, во что-то вроде записок Гаспарова, какова амбиция, не очуметь ли?!), то уткнулась головой в стоящее ныне на обложке название. Этот дневник по праву первородства был важен и не мог стать секретным, даже не собирался. Раз уж ты готов поделиться с миром сокровенными мыслями, уложенными в некую, пусть самую простую систему, то, безусловно, жаждешь, чтобы кто-нибудь оценил твое чуть по-новому собранное из банальностей и общих мест построение.

Так что, какая уж тут тайна?

И получился он действительно нечаянным – стихийным. Просто я шла-шла, а потом вдруг поняла: будет именно так, назовем мы его эдак, а структуру, значит, планируем во-о-от такую. Аллилуйя!

Ну и, наконец, последнее вводное занудство из длинного ряда занудств последующих. Не бывает в русском литературном языке слова «нетаянный», но мы ведь голосуем душой и рублем за неологизмы, правда? Собственный язык, как некая персональная тайна, приятно холодящая язык мятной сладостью, выделяет тебя из всего человечества, но одновременно и делает членом сообщества таких же филологически чокнутых, как ты сам. (О, как же я люблю «вкусные» английские слова «dignity» – «достоинство» и «community» – «сообщество», я бы потомкам бриттов и англосаксов за попытку объединить в себе ограниченно личное, индивидуальное и общественное медаль дала!) В прелестной венгерской книжке «Заколдованная школа» брат главного героя, мечта платного логопеда, произвольно переставлял слоги и радостно кричал перед трапезой: «Подиморры!» Мне по сю пору нравится называть томаты «подиморами». Но не себе под нос, интеллигентным полусшепотом, а вслух, чтобы все услышали: «Подиморрры!» Сами попробуйте, оцените эффект жизнеутверждающего томатного клича.

Вот и я в один непростой день научилась громкой, в голос, речи.

Часть первая Слушайте

СЫН

Нет, что это такое происходит, а?

Илюшка почти до четырех лет разговаривал очень плохо. Теперь ему четыре с половиной, и как он использует эту свою новообетенную способность?

Намедни с утра состоялся диалог: «Илюша, сейчас я сварю кашку, и будешь есть». Илья: «Я не хочу кашку. И какао тоже не хочу. Может быть, компотик? Я думаю, я смогу конфетку. Думаю, розовую или зеленую». Мыслитель, колобок в бок.

Сейчас про то блаженное время, когда слова никак не хотели вылетать изо рта, будет экспансия художественной реальности. Практически взрыв нежно-розового, палевого художественного пространства в равнинах тягостного и совершенно конкретного черноземного быта. Готовы? Приступаем.

Про Илюшку

Жил-был на белом свете мальчик Илюшка. Было у него две ручки, две ножки и светлая головушка.

Собрался как-то Илюшка гулять, на ножки резиновые сапожки надел.

Вот обулись ножки в сапожки и вниз по ступенькам вприпрыжку побежали: «Один, два, три. Один – два – три. Одиנדватори – одиנדватори – одиנדватори!». А ручки – пухленькие ручки – знай помахивают: «Вот так. Вот так».

Выбежал Илюшка на улицу, к луже бежит, чтобы по ней прыгать, как маленький поросенок Джордж. А лужи-то и нет! За ночь снег вытал. Ножкам в резиновых сапожках по сугробам ходить неприятно. Надо домой бежать.

Побежали ножки вверх по ступенькам: «Один, два, три. Один – два – три. Одиנדватори – одиנדватори – одиנדватори!». Прибежали, сапожки сняли, валеночки обули. А ручки варежки надели, чтобы и им приятно было. И опять бегут ножки, но уже потише, совсем даже не вприпрыжку: «Один – два – три, один – два – три». А ручки в варежках помахивают: «Вот так! Вот так!». Ууфф, вышли ножки, и как давай по сугробам носиться! А ручки снежок хватают. Играли, играли, да тут ручки заплакали: «Замерзли мы, домой хотим!». И побежали ножки домой вверх по ступенькам (ну, вы знаете, как ; -)).

Дома разулись, разделись, в кресло-качалку уселись! Качается Илюшка. «Би-би, мама, – кричит, – би-би!» Отдыхают ножки, отдыхают ручки. А Илюшка что? А Илюшка рад-радехонек, на кресле качается, куриную котлетку уминает, мультик про доктора Машинову смотрит.

Вот такая сказка.

А прошлой весной случай был. По службе довелось побывать на заседании краевого учебно-методического объединения школьных психологов. Заседатели обсуждали проблемы первого года повсеместного внедрения инклюзии в школе, и целый куль внимания был посвящен детям с аутизмом. Их теперь, говорят, до восьмидесяти процентов от всего числа детей с ОВЗ. Впечатление у меня осталось яркое, зато тягостное. Знаете ли вы, что такое холдинг? Это когда ребенка, которого оба родителя за руки, словно слепого, привели к психологам-дефектологам в специализированный центр, усадили на колени к тому, кто собирается с ним рабо-

тать. Мама топчется у двери. Маленький человек – тот, что сам себе мир, а все вокруг – мутное, пугающее, неведомое и чуждое пятно – начинается бешено биться и без слов кричать: чужой, чужой, страшный, кто ты, ты мне не нравишься, отпусти! Мама у двери в полуобмороке и почти готова забрать свою особую личиночку домой. А психолог, крепко обнимая руками и ногами, держит пятилетнего малыша-аутиста, а силища-то у него, как у подростка, до тех пор, пока тельце не обмякнет и не расслабится. Тогда ребенок принимает этого стуло-человека как часть своего мира и выходит с ним на контакт. Одна тётечка-дефектолог говорила, что однажды пришлось три часа «пациента» в холдинге держать. Так что качайте, дамы, руки-ноги, в работе все сгодится!

Я рыдала не три часа, а всего один у себя в кабинете, потому что воспитатели в садике решили выступить диагностами и рассмотрели у Ильи аутистическую симптоматику. А потом, уже успокоившись, была вынуждена уйти с чудесного мероприятия из-за поехавшей кругом головы. Мне Таня говорила: «Пустырник с краю полки, сахар за чаем, около тарелок», а я ни словечка не понимала с первого раза. Нервишки, куда деваться, сосудики шалят, мозговое кровоснабжение нарушено.

Я еще не знала, что дело не только в шалостях кровяных труб.

Дочь

Саша, любовь моя, самая ненаглядная девочка из всех девочек, прости меня. Я прочла твой тайный секретный дневник. В его начале был список тайн, и под номером один записано: «Моя мама побрилась».

Сладчайшие времена прожиты и запечатлены в памяти – моей и компьютера. Маленькая Саша говорила: «попкорм». Поп-корм! «Популярный корм» – то ли новое направление в музыке, то ли особо модная еда. Или все-таки пища для сами знаете чего? Однако...

Когда дочь была уже вполне взрослая и ответственная, я, дабы польстить Сане и заодно не допустить вылет фразочек в форточку, завела на рабочем столе файл «Санизмы».

Вот она уговаривает Илью съесть противное жаропонижающее: «Съедем таблетку вкусную за землю русскую!»

Вот обиделась, дуется. Я говорю: «Знаешь, куда волки на обиженных ездят? Какать в волчий туалет». Саша, с сарказмом: «Это в ваши восьмидесятые модно было так говорить?»

Но любимая моя Сашина нетленка это: «Илюхина попа такая милая, такая мягкая. Это попа-антистресс!» У кого нет такой попы-антистресса под рукой (и под зубом), пусть завидуют, пусть кусают локти, bon appetit!

Кстати, о еде.

Все-таки любопытно, что в больнице жизнь начинает бесконечно вертеться вокруг пищеварительной темы.

Палата номер шесть Обитатели шестой

Дверь в коридор в дневное время почти всегда была распахнута и зафиксирована полторашкой, поэтому мы не сразу обратили внимание на номер палаты. Но через день-два скрытая чеховиана нашей тогдашней жизни, в которой положено смехом побеждать ужас, дала о себе знать. «А вы заметили, в какой палате мы лежим?» – кокетливо вопрошала то одна, то другая сопалатница, входя внутрь. Потом делалась многозначительная пауза: «...В шестой!»

Палата была самой маленькой в отделении, на пять мест, тогда как все остальные пациенты отделения «голова-шея» («головастики», как выразился Аленкин муж Женя, работавший там завхозом) не могли похвалиться столь маленьким и уютным сообществом. Повсюду кроме нашего убежища класса люкс лежали ввосьмером в палате – многовато для приятного вдумчивого общения.

А подумать и в особенности поболтать было о чем. Мой не такой уж и богатый опыт пребывания в стационаре подсказывал, что на больничной койке все равны: и помощник прокурора, и кандидат наук, и доярка. Всем придется подстраиваться под аудиторию второго канала и смотреть «Пусть говорят». Но в тот раз повезло: телевизора не было – это раз. Сотоварки подобрались просто прекрасные – это и два, и двадцать, и сто двадцать два. Словесный поток не иссякал, рассказчики менялись.

Первые пару дней нас развлекала Наташа, молодая пенсионерка сорока пяти лет, сбегавшая на пенсию по выслуге лет с должности кинолога одного из отделений полиции и трогательно называвшая подопечных отделения «наши жулики». Истории про веселых жуликов, собак, Наташиных любовей, ее семью и шишку в груди были увлекательными, имели резвую внутреннюю драматургию и вполне удовлетворительно скрашивали досуг. Нам оставалось только внимать, и мы благодарно внимали.

В число слушателей Наташиных баек входили следующие дамы:

Надежда Васильевна и Галина Михайловна, две милейшие учительницы пенсионного возраста, распрощавшиеся со щитовидками и ожидавшие результаты анализов с различной, присущей каждой из них степенью нервозности;

сороколетняя Оксана, уравновешенная и общительная, мечтавшая открыть свое дело по выпечке авторских тортов и прибывшая из соседнего городка в надежде срезать немаленькую опухоль на локтевом сгибе левой руки;

и я, младшая из всех.

Тридцать семь мне натикало в июне, а в сентябре, едва устроившись на новую работу, я загремела в стационар на биопсию. В диагнозе была записана лимфома под вопросом, то есть лишь подозрение. Началась вся эта катавасия, как и следовало ожидать, чуть раньше, в августе, когда во время проведения ультразвукового исследования у меня неожиданно обнаружили увеличение шейных лимфоузлов. На обследование в поликлинику онкологического диспансера я пришла в полной уверенности, что мне нужно исключить рак, именно исключить, а не подтвердить, диагностировать или что там еще. Какого рожна, в самом-то деле? Младшему моему сыну было четыре, дочь – ученица пятого класса, а мама вот уже три года жила в состоянии постоперационного коматоза. После того как у нее обнаружили рак груди, она с первых же дней замерла в ужасе, да так и не встряхнулась.

Шестая палата жила дружно, я бы даже сказала, на жизнеутверждающий манер. Медсестры нас хвалили и за глаза, и в глаза. Когда наши дорогие сельские педагогини выписались, к нам перевели Любу из другой палаты, обнадежив ее, что в шестой «девочки хорошие, веселые» и надо переходить. Причиной тому, что у нашей гоп-компании оказалась столь благонадежная репутация, было отсутствие больных с подтвержденным онкологическим диагнозом.

Мы обживали свои койки в ожидании результатов гистологии. Вопрос вопросов: доброкачественная или злокачественная? Но этот вопрос обитал вроде как сам по себе, до дня икс был заперт в тумбочки вместе с яблоками, а мы пока жили себе и жили, бесконечно болтая о больной и домашней еде и приятных мелочах.

Четыре соглашения

Первое мощное воспоминание из моей новой жизни было такое. Маленькая субтильная женщина в джинсиках и с лицом алкоголички стояла у входа в краевой онкологический диспансер и выла в голос, задрав голову к небу. Что она искала там, наверху, какой справедливости алкала? В другой ситуации я бы, наверное, чиркнула по ней взглядом и быстрее отвела глаза. Но мой день не задался, и я с горечью рассматривала ее. А потом запихнула руки в карманы своих джинсов и, сгорбившись, пошагала на трамвайную остановку. Там, отойдя в сторонку и отвернувшись, я тихо хлюпала носом, глядя в землю, все так же держа руки в карманах. Слезы мои были женскими, а поза мужской, потому что мне нужно было укрепиться. Впереди меня ждала борьба, и я это очень хорошо понимала.

Августовский денек был хорош, тёпл и ярок, осень приближалась. И теперь надо было как-то перевернуть вероятность того, что у меня рак.

На то чтобы осознать, что у меня – возможно, лишь возможно! – онкологическое заболевание, мне понадобилось два дня. Естественно, я рыдала, скрытно, по ночам, но отчаянно. Отчаяние вызывала мысль: «Но как же так, у меня же маленькие дети!» С решения навсегда ампутировать этот вопль из башки и начались мои соглашения с самой собой. Получилось их четыре, как мушкетеров у Дюма.

Первое. Мысль «А-а-а, у меня дети!» была объявлена табу. Как только эта изуверская фраза начинала вертеться в голове, слезы текли рекой, а посему – я ее запретила как заведомо зловредную. Иначе пришлось бы сразу ложиться в лужу слез и самоубиваться. Ага, щаз. Ампутируем.

Второе. Пожалуй, это было не соглашение, а осознание. Я поняла, что смерти как абстрактной категории я не боюсь. Вот так, скажем вместе, скажем громко: я не боюсь умирать! Поймите правильно, конечно, внутреннее напряжение вызывала у меня вероятность тяжелых физических страданий, но разве мы не женщины, разве за годы супружеской жизни, вынашивания и рождения детей, посещения гинеколога и общения с бурлящими кухонными котлами мы не притерпелись к боли? Ну, вы поняли: помирать так помирать, что такого-то? Однако резкий протест вызывала мысль о преждевременной смерти. Смерть в моей ситуации еще лет двадцать казалась мне чертовски преждевременной. Да что там – позорной капитуляцией, бегством с полей родительских сражений!

Отсюда логично вытекало третье – тоже не совсем соглашение, скорее заявление: в ближайшие годы я не умру, я буду биться за каждый год, за время.

И четвертое. Моя жизнь не может стать болезнью и только болезнью, наоборот – болезнь должна скромненько вписаться в мою жизнь. Скажу сразу, что в реальности жизнь все же прогнулась под болезнь, но в целом у этой парочки получалось сосуществовать вполне благопристойно.

Вооружившись соглашениями будто амуницией, отложив стенания на потом, я стала ждать своей очереди на биопсию. Звучат все эти лозунги бодро, но душевный покой мне не снился, потому что по ночам спала я отвратительно. Мне даже впервые в жизни невролог выписала антидепрессанты. Правда, пить их я не стала, и, как оказалось, правильно. Все чудесным образом изменилось, стоило только оформиться в стационар.

Бабурукинские девочки

С Наташей и Оксаной мы поступили в отделение в один день, вместе ждали операции, одновременно ее дождались, а потом, соответственно, «вылеживали» результаты анализов и врачебный вердикт. Оперировал лысый душка Бабурукин. Так благодаря волшебной фамилии лечащего врача наша самопровозглашенная группировка получила локальное название «Бабурукинские девочки».

До определенного времени личность Бабурукина меня не слишком волновала, правда, как-то сами приметились пристальный тяжелый взгляд исподлобья, немногословие, сдержанное спокойствие и бережные прикосновения к моим шейным и прочим лимфоузлам. Мужественный мужчина. Внутренний филолог во мне немедленно выловил медицинскую семантическую подоплеку имени-отчества (Виталий – от латинского «жизнь», Валерианович – ох, немало этой настойки выпила и вынюхала я за свои дюже зрелые годы) и начал втайне подвывать: «Вылечи же меня, о мудрый лысый Бабурукин, назвался Валериановичем – так лечи!»

Спаслось мне на пыточной кровати в железную клеточку, которую не сумели смягчить четыре матраса, как на трехзвездочном курорте. Почти на две недели я выпала из радостей семейной жизни (тут любая ягода должна проникнуться моим счастьем) и получала чистейшее, никакой умственной деятельностью не замутненное удовольствие от малосодержательного трéпа, еды и чтения любовных романов – про английских герцогов и виконтов эпохи Регентства. Наверное, сказала на моем сне близость Бабурукина и прочих врачей. Мысль «Раз я уже тут – помереть не дадут» определенно обладала психотерапевтической силой.

Результаты биопсии мы ждали в среду, а если очень подфартит – к обеду вторника. Без пяти два во вторник я вышла из здания: подъехало такси, чтобы везти меня домой, где временная свобода и приятный, такой же малосодержательный трéп с подругой Машкой. Но как только машина двинулась с места, раздался звонок на мобильный – от Наташи. Бабурукин искал меня и попросил передать, что завтра к половине восьмого я должна быть на месте.

Ехать дальше и провести оставшийся день в состоянии безмыслия? Иллюзии, что этот притворяющийся беззаботным день будет длиться и длиться, что все тяжелое мы можем оставить на завтра? Или вернуться?

Я испугалась очередной бессонной ночи и попросила таксиста развернуть машину.

Бабурукина я нашла в коридоре, он как-то по касательной посмотрел на меня и пригласил в ординаторскую. А там в течение двух минут произошло следующее.

Виталий Валерианович проговорил: «Диагноз подтвердился». Я не знала, что сказать, но по дурной привычке не смогла промолчать и выдала: «Офигеть». «Не офигеть, а неходжкинская лимфома, – жестко поправил врач. – Лечится посредством химиотерапии, побочные эффекты – тошнота, рвота, общее недомогание, выпадение волос. Завтра начнем. Вы согласны? Подпишите согласие».

Подпись была поставлена, потом я сказала что-то типа «всего доброго» и... никак не вспомню: то ли слегка поклонилась с непроницаемым лицом, как Георг фон Шлоссер, офицер Абвера и аристократ в седьмом поколении, то ли не было этого, а просто я себя так чувствовала. И вышла.

С подругой мы встретились на крыльце супермаркета и вместо приветствия я почти закричала: «Машка, у меня лимфома!». И вдруг у Машки потекли слезы, глаза как-то потускнели, на лице появилось недоуменное выражение. «Оно что, вот так и происходит – просто, по-бытовому?» – растерянно спросила она.

А всегда ли должно начало новой жизни сопровождаться звоном колоколов или боем тамтамов?

Наутро в семь тридцать я была в отделении и, вновь выловив Бабурукина в коридоре, попросила его пройти в ординаторскую. У меня, верите ли, появились вопросы к лечащему врачу. От Виталия Валериановича веяло чем-то бодрым, выспавшимся, деятельным, и он не стал дожидаться, пока я сама неестественно спокойным голосом зачитаю свой недлинный список с бумажки. А после того как дал ответы, отвернулся чуть в сторону и пробурчал даже не мне, а, скорее, себе под нос: «Мужика тебе хорошего, и все пройдет».

Я всегда была туповата в межполовых делах и заставила его, бедненького, повторить реплику. А потом, тоже скорее себе, чем собеседнику, негромко проговорила: «Да я же вроде как замужем. А-а-а... Хорошего». А так как у меня в семье все действительно было далеко от идиллии, я с интересом и уважением уставилась на врача: надо же, мудрый целитель дамских душ – в самую суть зрит.

Сопалатницам я сказала, что Бабурукин прописал мне химиотерапию и мужика хорошего. Свежие, необремененные дурными мыслями женские мозги работают без сбоев, и Оксана сразу же радостно возопила: «Так это он под хорошим мужиком себя подразумевает!» Тут в моей голове щелкнул переключатель, и внутренний филолог возопил не тише Оксаны: «Таки да! Долбанем Эросом по Танатосу!»

Я взбодрилась, оживилась и все оставшееся время госпитализации решала жизненно важный вопрос: со стороны врача это был легкий, неосторожный и необдуманный подкат или действительно одна из стратегий лечения, основанная на сермяжной правде жизни? Перед выпиской я даже всерьез обдумывала, не всунуть ли свой номер в «чайно-конфетный» прощальный набор. Бог пронес, и столь неуклюжего жеста отчаяния я не совершила. Но до сих пор испытываю к Бабурукину нежную благодарность за то, что его случайная реплика запустила во мне программу, нацеленную – нет, не на выживание – на жизнь.

Врачи и Мышка-Терминатор

Врачевать – значит заговаривать, вы же знаете об этом?

Ответственность за первые волшебные превращения моего тела я храбро возлагаю на Наталью Геннадьевну. Когда к химиотерапии подключили биотерапию, она предупредила о том, что первое введение биопрепарата по нормам должно длиться шесть часов. Посмотрев на меня своим фирменным взглядом поверх очков, Наталья Геннадьевна растянула губы в забавной полуулыбке и, то ли извиняясь, то ли стремясь обрадовать, оповестила: «Ну, он ведь из мышек».

Ах вот оно что. Антитела, полученные из мышей и вводимые в кровь человека. Чуждый белок. Ну что ж, в мышку – так в мышку. Зато я обогатила свой небогатый запас шуток жемчужиной: «А добрый день, позвольте представиться: я, отныне немножко мышка».

Следующим вкладом Натальи Геннадьевны в изменение меня стало направление на установку порт-системы. По схеме лечения лимфомы биопрепарат вливается долго – около двух с половиной лет. Даже самые мощные, повсюду выходящие на поверхность вены не возликуют, если в них будут бесконечно тыкать иглой и вливать высокотоксичную «химию» и биопрепараты. Моя одинокая хилая венка в левой руке зывала о помощи, и было ей отвечено.

Представьте себе круглую, а в разрезе – трапециевидную, титановую розетку диаметром около двух сантиметров с резиновой прокладкой вместо отверстий для вилки. Отходящая от «розетки» силиконовая трубочка вставляется в яремную вену. Игла прокалывает кожу и прокладку, щадя вены, и лекарство попадает сразу в кровь. Это и есть порт-система, внутренний катетер, который вживляется в верхнюю часть груди на время проведения терапии.

В торакальном отделении началась следующая серия больничных приключений. Там я в очередной раз думала о даре, который опустили в мою протянутую руку боги медицины: среди врачебного состава и медицинского персонала диспансера мне лично не встречались плохие люди – грубые, равнодушные, относящиеся к своему делу на «отпились». Ах, какие сестрички кололи мои руки, а потом – «розетку»! Красотка Светочка, ставившая мне первую «химию» в отделении онкологии головы и шеи и вполголоса говорившая: «Да не слушайте вы Евгения Михалыча, он зря страшит, эту «химию» вы даже не заметите!» Расчудесные Ольга, Любовь и Надежда в дневном стационаре. Врач в торакальном – Ирина Викторовна, с доброй улыбкой и внимательным взглядом, которая разговаривала с нами так, что на душе становилось светлее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.